

Распад публичной политики

Из открытой, публичной политической жизни исчезают борьба и события. «Безальтернативность» быстро распространяется сверху, от президентской власти, на все сферы публичной политики. Не может быть длительного сосуществования безальтернативного президента и нормального, «альтернативного» парламента. Безальтернативный президент обязательно должен в конце концов породить соответствующий парламент с безальтернативными голосованиями. Верхняя палата уже практически достигла этого «советского» состояния. В следующем составе Государственная Дума, скорее всего, ее догонит, или, во всяком случае, к ней приблизится. На губернаторских выборах постепенно единственным вопросом становится, кого определит в победители и кого просто не допустит до выборов верховная власть, сами же выборы становятся так же безальтернативными, как президентские, и так же перестают быть событиями. Но ясно, что у губернатора — те же отношения с подчиненной ему областью, что и у назначившего его президента со страной в целом. Безальтернативность сверху опускается до уровня сельсовета.

При этом действия власти нельзя объяснить просто стремлением обезопасить себя, расставив своих людей на нужные места. С точки зрения простого самосохранения они часто явно «избыточны». Как и ее предшественница, теперешняя власть стремится не просто обезопасить себя от реальных угроз (их сейчас просто нет). Она стремится исключить даже отдаленную возможность таких угроз, устранив «событийность», спонтанность любого публичного акта, добиваясь полной, идеальной предсказуемости и контролируемости.

В этом отношении интересно недавнее избрание нового главы Совета Федерации. Интересен не столько сам факт, сколько то, как это избрание совершилось. Строева не просто заменяют Мироновым. Его отстраняют «по собственному желанию», заставив произнести все необходимые фразы и самому рекомендовать назначенного ему преемника, и за все это дают орден — точно так же, как при советской власти поступали с отправляемыми в отставку дисциплинированными руководителями второго эшелона. А его преемника выбирают «советским» большинством. (Я думаю, что двух диссидентов, голосовавших против, «вычислили» и поставили «на заметку»). Власти, таким образом, нужно не просто избрание преданного человека - ей нужно, чтобы голосование было на 100% предсказуемым, чтобы не было даже намека на возможность иного исхода и чтобы эта смена представляла как естественный, рутинный и совершенно «безальтернативный» акт.

Очевидно, этим же стремлением следует объяснять и предваряющее выборы в Московскую городскую думу распределение мест между партиями (в чем многие видят модель будущих выборов в Государственную Думу). Ясно, что никакой угрозы для власти от городской думы, выбранной альтернативно и «непредсказуемо», не было бы - не было же ее от предыдущей. Но здесь действует то же стремление уничтожить всякую «самодеятельность», превратить любое событие в ритуал, где все заранее определено. Поэтому и объединительный съезд «Единства» и «Отечества» проходит в настолько «рабочей» обстановке, что заставляет думать, что на следующих съездах вообще ничего происходить не будет. Если у большевиков реальная публичная борьба была изжита окончательно примерно через 10 лет после их прихода к власти, то в будущей правящей партии ее и изживать не нужно - ее нет изначально, нет в проекте.

Все, что как-то самостоятельно, спонтанно, вызывает именно поэтому некоторую тревогу - независимо от того, есть здесь какая-то реальная опасность или нет, как тревогу у советской власти могли вызывать такие явления, как распространение абстрактной живописи или спектакли «Театра на Таганке». Никакой опасности для власти от нашего

«гражданского общества» нет и не предвидится. И все-таки - это какое-то бесконтрольное копошение, возникновение каких-то непонятных движений и организаций, из которых (чисто теоретически) когда-то может возникнуть некая опасность, и которые не вписываются в идеал всеобщей упорядоченности. Поэтому проводится их смотр — Гражданский форум, знаменующий начало «формализации», «упорядочивания» этой сферы. Нет никакой видимой и реальной опасности и от ТВ6. Но ТВ6 - не подконтрольна и если ты стремишься изгнать бесконтрольность, спонтанность из сферы публичной политики, ты должен изгнать ее и из сферы публичного обсуждения политики.

Происходит тот же процесс, который виден при последовательном чтении стенограмм коммунистических съездов и конференций - от читающихся как драмы стенограмм конца 10-х - начала 20-х годов до стенограмм поздних съездов, которые нормальный человек прочесть просто не может. Но, как и при советской власти, исчезновение политических событий из публичной сферы не означает их исчезновения вообще. Борьбу за власть уничтожить нельзя. Меняются лишь ее формы. Из борьбы за любовь масс она превращается в борьбу за любовь правителя и из открытой сферы перемещается в тайную. Публичные политические события революционных эпох (конца 10-х - начала 20-х и конца 80-х - начала 90-х) как бы раздваиваются в ходе дальнейшей эволюции на публичные, но не события (ритуальные «антисобытия») и события, но не публичные. Публичные события становятся интересны не своим номинальным содержанием, а теми маленькими сбоями, отступлениями от ритуала, в которых наблюдатели пытаются увидеть отражение закулисной реальности — вроде речи Ельцина, где он особо благодарит президентскую администрацию, из чего делается вывод, что эта администрация - под ударом питерских чекистов. Никто толком ничего не знает, но ясно, что истинная жизнь прячется и настоящая борьба идет в этой, все более непроницаемой сфере взаимоотношений Путина и интригующих, подсиживающих друг друга старых и новых придворных.

Процесс ликвидации непредсказуемости еще не завершен и у власти впереди еще непечатый край дел. (Поэтому, между прочим, о застое сейчас заговорили, по-моему, слишком рано, до застоя еще надо дойти). Но уже сейчас мы можем, экстраполируя теперешние процессы, представить себе страну лет через 5-10. Это будет страна, в которой результаты всех голосований на всех уровнях одни и те же - 90%. Где в публичной политической сфере вообще ничего не происходит, а лишь совершается масса ритуалов — ритуал выборов, ритуал заседания парламента, ритуал периодических встреч президента со своим гражданским обществом и т.д. Где, если решено, например, что в парламенте должны быть три депутата от «Яблока» и три от ЛДПР, уже никак нельзя сделать так, чтобы на следующих выборах их стало четыре и пять, ибо это означало бы создавать опасный прецедент (завтра кто-нибудь захочет десять). Где о реальной борьбе за власть граждане будут узнавать только по слухам и сплетням и по ее итогам - внезапному уходу на пенсию или аресту за коррупцию той или иной фигуры. Эту картину реализовавшейся утопии современной власти можно достраивать, вставляя в нее разные забавные детали, вроде указания в анкетах - «член партии «Единство и Отечество» с 2001 года» и т.д.

До какой степени эта картина реализуется и в каких конкретно формах, мы не знаем. Но одно можно сказать с уверенностью — когда жизнь, вроде бы, уже окончательно изгнана из полностью ритуализированной и подконтрольной публичной сферы, она вдруг, часто с совсем неожиданной стороны, ломает застывшую оболочку и в публичной сфере воцаряется такая непредсказуемая спонтанность, что даже слишком.